

ИЗЯШНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

«ТРОФЕЙНЫЙ ПЕЙЗАЖ» ИРИНЫ ЕВСЫ

Александр ЛЕОНТЬЕВ

Что хорошего может сказать литератор-мужчина о стихах, написанных женщиной? Если она к тому же весьма привлекательная особа? В лучшем случае — т. е. после пятой рюмки — ляпнуть, что для поэзии особого ума и не нужно, не философия же... После седьмой — привести в пример гениального Пастернака, философа по одному из образований, которому ни ум, ни образование в стихах почти не понадобились. Не говоря уже о знаменитом романе.

Одна из бед современной цивилизации состоит в том, что женщины, к сожалению, умнеют, и мужскому шовинизму приходится с этим считаться. Женщины пишут отличные стихи.

Уже не только Сафо и Каролина Павлова на их знамени (или Вера Павлова — в «Знамени»), а, к примеру, Пушкин и Анненский (без «дежурных» Ахматовой и Цветаевой постараемся обойтись: общее место). Иногда «поэтессы», правда, всё ещё путают портреты Батюшкова и Бенедиктова, Кончеева и Кенжеева, но сама тенденция обратить внимание не на кудри длинные до плеч, а на бороды и бакенбарды — уже принесла и приносит весьма впечатляющие результаты.

Можно привести в пример тонкие и точные стихи петербурженки Елены Ушаковой, замечательную книгу бывшей екатеринбурженки (а ныне, извините за слово, ганноверки) Елены Тиновской, недавние поэтические удачи москвичек Ольги Ермолаевой и Виктории Волченко...

На Украине, слава богу, ещё живы очаги (куда нехорошие люди периодически подбрасывают нехорошие

взрывчатые вещества) русской культуры. А Харьков, с его уникальной литературно-исторической судьбой, просто повезло, ибо в городе этом живёт превосходный русский поэт Ирина Евса. В этом году у неё вышла новая книга — «Трофейный пейзаж».

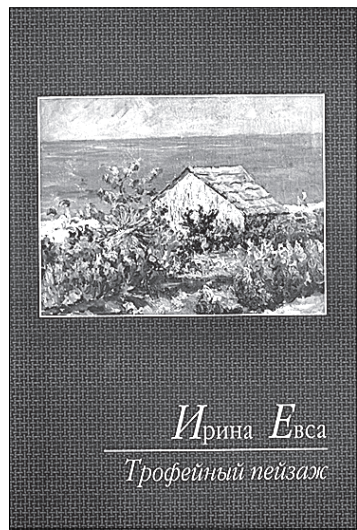
Главной особенностью стихов Евсы мне кажется то редкое качество поэтической материи, когда она может составить достойную конкуренцию живописному холсту. Подобное качество присуще, например, стихам Мандельштама, прозе Набокова. При этом стихи Евсы не теряют одного из важнейших свойств поэзии — психологизма. Подобное сочетание настолько уникально, что, будь я на месте литературных критиков (особенно московских), я бы всерьёз задумался. Ну, надо же когда-то начинать...

Цитировать стихи, вырывая их из контекста живой поэтической материи — занятие бесперспективное,

поэтому я попросту пошлю читателя (прости, товарищ) в ближайший книжный магазин, в отдел поэзии. К сожалению, данный отдел находится на Украине, в Харькове. А когда замечательная книга Ирины Евсы доберётся до прилавков Петербурга и Москвы, Волгограда и Владивостока, Красноярска и Твери — известно одному Богу и тем людям, которые занимаются культурной политикой на территории Украины и России. Очень хочется, чтобы стихи Ирины Евсы появились во всех книжных лавках, куда заходят люди, читающие по-русски и любящие настоящие стихи. Но это, боюсь, утопия. Во всяком случае — на фоне нынешнего геополитического пейзажа. Ведь он у нас, сказано же, трофейный.

Санкт-Петербург

P. S. Когда этот номер газеты попадет к читателю, Ирина Евса отметит свой юбилей. Поэтому в следующем номере мы уделим больше внимания творчеству и личности нашей замечательной землячки.

Ирина Евса
Трофейный пейзаж

ПАМЯТЬ. ГОВОРИ

Литературное наследие Ильи Тюрин, особенно его публицистика и философско-культурологические работы, с годами приобретает все большую актуальность. Он был одним из немногих в поколении творчески

мыслящих людей 90-х годов прошлого века, кто напрямую увязывал кризис русской словесности с кризисом русского характера и социальной энтропией. Его работа со словом и стала синонимом преодоления энтропии, способом выйти из жестких рамок своего времени.

Илья Тюрин родился 27 июля 1980 года в Москве, в семье журналистов. Выпускник лицея при Российском государственном гуманитарном университете (РГУ). С раннего детства писал лирику, рассказы, эссе.

После окончания лицея Илья, решив стать врачом, год работал в НИИ скорой помощи им. Склифосовского и в 1998 году поступил в Российский государственный медицинский университет (РГМУ), но продолжал писать эссе и статьи, размышляя в них над проблемами общественной жизни России и места в ней молодежи.

На пике творчества случилась трагедия: 24 августа 1999 года Илья Тюрин погиб, купаясь в Москва-реке. Последняя статья, «Русский характер», написанная им в том же августе, опубликована в «Литературной газете» 6 октября 1999 года, уже после гибели автора. Следом за ней последовали широкие публикации его стихов и прозы в периодике.

Весной 2000 года в издательстве «Художественная литература» вышла книга Ильи Тюрин «Письмо» — сборник стихов, песен, статей и эссе.

26 сентября 2000 года в Центральном Доме журналистов друзья и близкие поэта проинформировали собравшихся об учреждении Фонда памяти Ильи Тюрин и Премии его памяти в области литературы (стихи, эссе) — Илья-Премии, целью которой является поиск и поддержка в начале творческого пути молодых людей (поэтов, эссеистов, философов), ориентированных на решение фундаментальных вопросов бытия. Гран-при Илья-Премии — издание первой книги победителя.

Рисунок Ильи Тюрин

ВОЗРАСТ ЛУНЫ

Заметки об Илье Тюрине

Евгений СУХАРЕВ

Наверное, возраст — первое, с чем мы сталкиваемся, когда ищем в других черты родства с собой — не обязательно кровного. Едва человек объявляет себя чьим-либо ровесником, он тотчас вступает в игру, он совершает сознательную подмену; смотри, говорит человек своему визави, я — это ты, мы — одно.

Убедительнее всех чувствуют себя в этой подмене дети, осознающие множественность мира подростки и... поэты, потому что именно они более всех способны к игре — с собой ли, со своею ли душой, со своею ли речью.

Илья Тюрин, вместивший в свою жизнь мужскую пылкость подростка, изменчивую чувственность ребенка и отзывчивый дар поэта, был идеальным игроком. Суть его игры — подмены и человеческая судьба удачнее всего выражены в живой метафоре и названии одной из песен — «Ровесник Луны». Причем сам поэт, говоря: «Летнюю ночь отразила река, \ И в ней растворились Неба сыны: \ С виду обычные два старика — \ Ровесник Христа и ровесник Луны», ничуть не имел в виду однозначное прочтение, выпрямление смысла своей метафоры. В тюринской строфе старость дана как явление гуманитарной истории, то есть лирический взгляд автора перемещается по вполне фантастической траектории — из наших дней в далекое прошлое. И тогда Иисус, земное существование которого перервалось тридцати трех лет, видится нам фантастически древним, как его ровесник, стариком. И возраст обоих, по сравнению с нашим, так же немал, как возраст Луны.

Илья Тюрин о возрасте вообще размышлял и писал много. Почти всегда поэт по отношению к себе хронологически точен, и только лишь пару-тройку раз проговаривается о том, каким себя видит на самом деле — ровесником Луны, путешественником во времени. «Представьте: старый друг к вам возвратился — \ Настоящий старый, что уже не друг»...

Называя своего персонажа ровесником Луны и, конечно же, говоря ему: «я — это ты», поэт указывает на его движение — вечный земной спутник, со своими фазами, со своим возрастом, вечный сопроводитель человеческой истории меняется у нас на глазах. Меняется у нас на глазах и Илья Тюрин — от музыки поэзии, что, в общем, есть продолжение двойничества. От поэзии — к литературной публицистике и философии. От философии — к медицине. Такой вот поиск, такой «лунный календарь», такая вот вполне метафизическая канва...

Конечно же, все это можно объяснить обычным взрослением человека: ребенок — подросток — юноша; в начальную пору мы открыты всему и все пробуем впервые. В случае Ильи Тюрин метафора возраста оказалась равной создателю. Свой художественный мир он объяснил как мыслитель, а метафизические свои перемены — как художник. Поэтому самые совершенные опыты с родной речью у него нашли выход в литературно-философской эссеистике...

Проще всего сказать: стихи кончились, и

настала очередь прозы. Так было, например, у Рембо — но мы-то хорошо знаем, каким молчанием, каким реальным адом обернулась для него написанная в апогее девятнадцатилетия «Пора в ад». Рембо так и не объяснил своего молчания — слава Богу, ибо тогда из «разгневанного ребенка» он превратился бы в ординарного ментора. (Даже ментором ему стать не довелось, все было гораздо хуже.)

Илья Тюрин все-таки себя объясняет. Он — человек иной эпохи, иной ментальности, иного жизненного опыта. Русскому, в особенности если он имеет дело со словом, объясняться просто необходимо. Наверное, потому, что именно так мы с чем-то или с кем-то расстаемся. Смотрим на себя со стороны. Стихи к этому не располагают, ибо в них нет разницы между автором и лирическим героем, нет «той стороны зеркального стекла», как писал Арс. Тарковский, которая способна замутиться от нашего дыхания.

Илье Тюрину необходимо было посмотреть на себя со стороны. Его метафора возраста, как результат свободного выбора автора, сработала и в этот раз верно. Только в иных правилах игры она стала еще зрее, еще парадоксальнее.

Как работает в эссеистике пылкая мысль Ильи Тюрин, с чем расстанется он, глядя на себя со стороны?

С детским или подростковым представлением о человеческой общности. С традиционно демократическим заблуждением российской интеллигенции о возможности иных форм культурного и государственного устройства — не связанных с подавлением: «Эту трагедию модернисты чувствовали очень тонко и неотступно. Может быть, это и повлекло за собой такую длинную цепь самоубийств. Думаю, это произошло в том числе потому, что местом сложного эксперимента Россия была выбрана крайне неудачно: потому что только здесь государство всегда вне конкуренции по отношению к любым философским доктринам, искусству и так далее».

Эти строки написаны в шестнадцатилетнем возрасте. А год спустя Тюрин, развернув и углубив пришедшую ему на ум идею, расстается и с легендарной о русском диссидентстве, причем с неожиданной стороны — как историк стиха, следующий формуле Бродского: поэт есть человек частный и частность всему предпочитающий. Стихи русских диссидентов — прежде всего плохая поэзия. Поэтому для него Рылеев, Одревский стоят в том же ряду, что и советский-антисоветский Евтушенко, равно как и растерявший свой крупный дар Вознесенский, — все они не существуют или мало заметны. В условиях конца двадцатого века, по Тюрину, исключение составлял ленинградский «волшебный хор» — Найман, Рейн, Бобышев и Бродский, а из москвичей один лишь Высоцкий. В этот ряд необходимо поставить Александра Галича, ибо в тюринском эссе он не упомянут. А жаль. «Мне все более кажется, что победа власти в том и заключается, чтобы вырвать у частного пера проклятие: десятое дело, что за этим последует. Большую часть диссидентской поэзии позднего XX века заня-

ли как раз побежденные, заслуживающие нашего милосердия и нуждающиеся в нем существенно сильнее, чем гиганты, живущие безотносительно к ним», — резюмирует Илья Тюрин, и, как бы мы ни были сентиментальны к ушедшим временам и людям, с исследователем приходится согласиться.

Эссе «Русский характер», словно пересыщенный химический раствор, дает нам почувствовать поражение сполна. Голос Тюрин-публициста (а «Русский характер» — образец отличной публицистики, — не только, разумеется) полон различными оборотами, от горечи до сарказма.

Илья Тюрин говорит о времени и о России, «тихо переносящей пик своей национальной трагедии». Суть ее видится в том, что на протяжении столетий нормальная жизнь подмечена поисками (бесплодными) русской идеи, особого для всех живущих в огромном государстве пути. Но — вот парадокс! — чем больше мы ищем эту «идею», тем меньше шансов остается на ее счастливое воплощение.

Вообще же это эссе можно буквально растащить на цитаты, потому что главное в его языке — особая, идущая еще от поэтических опытов, афористичность. «Точно неизвестно, в какой мере в создании «образа русского человека» поучаствовал сам «русский человек». Когда имеешь дело с творческой фантазией писателя или публициста, трудно сказать, каков механизм преобразования его личных впечатлений в текст — и, следовательно, невозможно судить о том, что теряется и что приобретает по пути. Кроме того, Гоголь с Достоевским и Салтыковым-Щедриным как свободные люди могли писать абсолютно всё, что хотели, и никто не вменял им в обязанность создавать объективный портрет среднего русского персонажа, тем более — олицетворенный русский характер. Не знаю, чем объяснить фальшивые, комические, подчас злобные картинки из «народной жизни». Может быть, у художника слова в тот день было настроение ни к чёрту или на улице его толкнул в бок мужик в лаптях — всё бывает. Но вдруг оказывается, что в этих картинках мы приобидились к совершенной и непреложной истине. Почему? Потому что забавные прибаутки вроде «Истории одного города», «Сказки о попе и его работнике Балде», эпизода с деревней Заманиловкой из «Мёртвых душ» столкнулись с любопытной российской традицией — находить в каждой строке любимого автора божественное откровение о судьбах Родины. А кем формируются эти судьбы — догадаться легко: какая бы идея не была подброшена элитой, частью жизни она станет лишь в той мере, в какой будет принята большинством населения. Поэтому любые литературные прокламации о будущем страны могли быть разве что плодом божественного откровения»...

В этом эссе по-настоящему соединились художественное мастерство, зрелая мысль и метафора возраста. И, конечно же, тот взгляд на себя со стороны, то живое дыхание, от которого теплится зеркальное стекло тюринского посмертного существования — для нас, нынешних его читателей.